

— КАРМЕН УБРАЛИ? Хорош! Теперь из второй кассеты доставляйте Анну Каренину.

Это были первые фразы, которые я услышал, полав за кулисы главного театра страны. Признаться, я невольно улыбнулся и ничего не понял. Спрашивать было неудобно: все заняты делом, да и некогда мне: надо найти здесь Арабата Яковлевича Чарухиянца, заведующего художественно-постановочной частью Государственного Большого, академического театра СССР, с которым мы договорились о встрече. А тут впопыхах заблудиться. К счастью, он нашел меня сам. На скоростном лифте мы поднялись на пятый этаж, в его кабинет. Здесь и начался разговор об огромном хозяйстве Большого театра.

— Сейчас в нашем репертуаре более семидесяти оперных и балетных спектаклей, — начал Арабат Яковлевич. — Постоянно коллектив работает еще над двумя новыми операми и двумя балетами. Естественно, вместе с артистами так же напряженно трудятся и работники вспомогательных служб. А их немало — 250 человек работают в машинно-декорационном, электроосветительном, костюмерном, гримерном и бутфорском цехах. Зрителя не видят и не знают эти люди, но без них не было бы ни одного спектакля.

Хозяйство у нас очень боль-

шое. В нем есть все, начиная от корабля, на котором помещаются восемнадцать человек, до сандалий римского гладиатора. Есть и живой реквизит: лошади и даже маленький ослик. Всего не перечислить, достаточно сказать, что наше хозяйство стоит около семи миллионов рублей.

Мы слушаемся вник, Чарухиянца знакомит меня с Виктором Ивановичем Каплиновым, главным машинистом, или, как его называют, «хозяйнином сцены».

— Так откуда же вы доставляете Анну Каренину? — спросил я его. — Из какой такой кассеты?

— Вы сейчас ее увидите, — улыбнулся Виктор Иванович. — Смотрите вот сюда.

Мощные подъемники вытянули из-под сцены огромный железный ящик метров в 25 длиной. Это и есть складская кассета. У нее пять отсеков, на

крышках которых написано: «Кармен», «Семинский», «Салко», «Анна Каренина». Рабочие начали вынимать отгулы длинные, во всю сцену полотнона разных цветов, свернутые в рулоны. — В кассетах, — говорит Виктор Иванович, — мы храним мягкие декорации. На одних — изображение леса, на других — облака или целый город. А третьи просто создают фон.

Сначала сцена кажется огромной, но со временем это ощущение исчезает. Каждый свободный уголочек за кулисами занят декорацией, пригрозившей для очередного спектакля. Лишнего нет ничего, кроме пыльных колонн, стоящих по краям и словно высеченных из белого мрамора.

— Это из «Евгения Онегина», — объясняет Каплинов. — Они такие большие, что стоят здесь, замаскированные, постоянно. А вы, видите, наверху висит ор-

канный колокол — из оперы «Псковитянка». Но это бутфорка, а вот эти — настоящие, — показывает он на заднюю стену сцены, где под потолком неслышно звонят из тридцати колоколов. — В опере «Борис Годунов» на них играет музыкант из симфонического оркестра.

Виктор Иванович рассказывает обо всем подробно, с гордостью. За три с лишним десятилетия, что он здесь работает, многое изменилось: на сцену пришла современная техника, облегчающая труд машинистов. Теперь есть и специальные двухтонные подъемники, и монорейсовые дороги, и даже свое телевидение. А на порталах полвека старые распылители, очищающие воздух от пыли. Во многих странах побывал вместе с артистами главный машинист, но такой механизации, какая есть в Большом, не видел нигде.

Я поднимался и гримерный цех. Его заведующий Василий Васильевич Аксенов отдал своему делу полвека. На сцене уже почти все готово к началу вечернего спектакля, а в гримерной сейчас самая горячая пора. Поэтому Василий Васильевич долго беседовать не может. Ведь лагиримировать нужно не пять и не десять, а это — пятьдесят человек.

— Приходит иногда и больше, — говорит Василий Васильевич. — В «Войне и мире», например, нужно подготовить свыше трехсот исполнителей. Вот все тридцать четыре мастера этим и занимаются.

Прошу Аксенова рассказать о самом памятном случае.

— Это было давно, — говорит он. — В то время я, молодой человек, работая в театре Немиронича-Даченко. Ставили там оперу Т. Хренникова «В бурю». Мне поручили лагиримировать артиста И. А. Петрова, исполнявшего роль Владимира Ильича Ленина. На спектакль были приглашены соратники вождя, которые неоднократно встречались с ним, — Л. А. Фотиева и В. Д. Бонч-Бруевич. Я очень волновался: как оценить они мою работу? Перед началом гости пришли за кулисы, и лагиримированный Петров вышел и поздоровался с ними. Гости нашли, что сходило неплохо. Бонч-Бруевич поблагодарил меня за работу. Это был истинный экзальтант, который определил мою дальнейшую судьбу.

Костюмерный цех удалось отыскать не сразу. Кстати, оказалось, что их здесь два — мужской и женский.

— Так удобнее, — объяснила заведующая женским цехом Надежда Петровна Простякова. — Только у нас более тридцати посми тысяч костюмов и принадлежностей к ним. А в мужском цехе их еще больше — свыше шестидесяти тысяч.

Мы идем по огромным комнатам, по обеим сторонам которых костюмы, костюмы, костюмы. Они висят на длинных подставках. На каждой не менее ста.

— Как же тут найти нужный? — недоумеваю я.

— Главное условие — абсолютный порядок, — отвечает Надежда Петровна. — На этих подставках, и только на этих, и обязательно в таком порядке: «Пиковая дама», здесь — «Лебединое озеро», далее — «Жизель». Опажда был случай, что неопытный работник повесил костюм из «Травиаты» на другое место. Нашли этот костюм случайно, через... три года.

Проходим за кулисы. На сцене идет «Анна Каренина».

— В этом балете, например, очень много костюмов, — продолжает рассказ Простякова. — У одной Анны более двадцати нарядов. Переодеваться приходится в считанные секунды, здесь же за ширмой. А помогают артистам в этом «экстремном переодевании» наши костюмеры. Иногда надо переодеть целый хор. А в опере «Игроки» артист Оганянец должен переодеваться с головы до пят ровно за 110 секунд и даже появляться другой галстук. Поэтому каждый костюм не только красив, но и удобен для быстрых смен.

Спускаюсь вниз и слышу в одном из местных репродукторов бурные аплодисменты. Только что закончился балет. Опадня предначначны исполнителям. Но не только им, а еще и тем, кто готовил спектакль, помогая артистам на своем рабочем месте, невидимым зрителям.

В. ЧЕБАКОВ.